

Исследовательская статья

УДК 008 81`37

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-125-137>

НАРОДНАЯ РЕЛИГИЯ КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «РОДНОГО» / «ВЕРНАКУЛЯРНОГО»

Наталья Михайловна Маркова¹,
Мария Сергеевна Лютаева²

^{1,2} Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия

¹ natmarkova@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0862-1410>

² liutaeva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9972-6674>

Аннотация. Актуальность статьи основывается на необходимости разработки концептуального аппарата, учитывающего двойственность феномена религии, выступающего, как институт некоторой «конфессии», описывающий себя с позиций узаконенных им самим определённых норм. При этом он же выступает как «народное», «личное» и «живое» верование, непосредственно переживаемое индивидом. Предметом данного исследования является трансформация подходов к феномену

«народная религия», актуализированная религиозоведением, специализирующимся на проблемах антропологии и фольклористики. Методологической основой статьи выступает анализ семантики в русскоязычных и иностранных первоисточниках, представленных в лингвистических корпусах. Новизну исследования составляет анализ понимания религии через призму различий основных коннотаций слова «народ» в российских текстах XI–XX вв. В ходе исследования выявлено изменение семантики: древняя альтернатива «вече» / «чернь» сменяется различием «российские подданные» / «крестьяне/христиане», носителей «народной мудрости» / «народных суеверий», которое замещается конструированием поэтики универсальных образов «единомыслия народа» и «строителя социализма/коммунизма». Понимание солидарности как религии «единомыслия» трансформируется от идеала «правоверия» князя Владимира, противопоставившего «веру христиан» и «суеверия язычников», через альтернативу «верных христиан» / «неверных басурман» к дистанцированию «православных христиан» / «раскольников», сменяясь поисками путей реализации идеала триады «самодержавие, православие, народность» (XIX в.), радикально трансформированного в СССР. В качестве новых перспектив описания религии как индивидуальных, локальных и повседневных

проявлений индивидуальной и групповой религиозности предлагается использовать понятия «частная (vernacular) религия» (Л. Приммиано, А.А. Панченко), «вернакулярная религиозность» (Д.А. Радченко, Н.В. Крюкова). В статье прослеживается история включения термина «vernacular» в социальное самоопределение, начиная с античных текстов до настоящего времени и отражается его перспективность для религиоведения, когда религия исследуется как уникальный аспект повседневной практики определенной социальной группы или индивида.

Ключевые слова: народная религия, народные суеверия, «единомыслие народа», вернакулярная религия

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФИ, проект БРФФИ–РФФИ № 20-511-00008 Бел_а.

Для цитирования: Маркова Н.М., Лютаева М.С. Народная религия как феномен межкультурной коммуникации: концептуализация понятия «родного» / «вернакулярного» // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 125–137. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-125-137>

Research article

PEOPLE'S RELIGION IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: CONCEPTUALIZATION OF NATIVE / VERNACULAR

Natalya M. Markova¹,
Maria S. Liutaeva²

^{1,2} Vladimir State University, Vladimir, Russia

¹ natmarkova@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0862-1410>

² liutaeva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9972-6674>

Abstract. This article serves as a response to the need of developing a conceptual apparatus that would take into consideration the duality of religion. On the one hand, religion is an institution of a particular denomination and defines itself in terms of self-imposed norms, and on the other hand, religion is a living faith both popular and personal, directly experienced by individuals. We aim to study the transformation of approaches to the phenomenon of people's religion, actualized by religious studies specializing in anthropological and folklore research questions. This study of people's religion was conducted within the framework of semantic analysis of source materials (in Russian and in English) presented in linguistic corpora. The novelty of the study is provided by the analysis of the understanding of religion through the prism of differences in the main connotations of the word *people* in Russian texts of the 11th–20th centuries. The study has revealed a change in the semantics: old disjunction of *veche* (popular assembly) and *chern'* (lowest classes) gives way to the distinction of *Russian subjects* and *Christians / peasants*, bearers of folk wisdom and popular superstitious beliefs. Further the latter distinction turns into the construction of universal images of *unanimity of people* and of *a builder of socialism/communism*. Solidarity is understood as the religion of unanimity and transforms from the orthodoxy of Vladimir the Great who set Christianity against pagan superstitions, through the opposition of orthodox Christians and ungodly infidels, to the distancing of orthodox Christians and *raskolniks* (schismatics). The quest for solidarity took the form of a search for ways to implement the ideal of the 19th century ideology of Orthodoxy, Autocracy, and Nationality and its later Soviet variation. We suggest using the concepts of *vernacular religion* (L. Primiano, A. A. Panchenko) and vernacular religiosity (D. A. Radchenko, N. V. Kryukova) to describe religion as

individual, local and day-to-day manifestations of individual and group religiosity. The article traces the history of the inclusion of the term *vernacular* in social self-description, from ancient texts to the present, and reflects its prospects for religious studies, when religion is studied as a unique aspect of the daily practice of a particular social group or individual.

Keywords: people's religion, popular superstitions, unanimity of the people, vernacular religion

Acknowledgements: The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project 20-511-00008 Bel_a of RFBR and BRFFR.

For citation: Markova, N. M., Liutaeva, M. S. (2022) 'People's Religion in Cross-Cultural Communication: Conceptualization of *Native / Vernacular*', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(1), pp. 125–137. (In Russian). doi: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-125-137>

Предметом данного исследования является феномен «народной религии» («НР»), взятый в контексте семантического анализа русскоязычных и иностранных первоисточников, а также данных лингвистических корпусов. Феномен «НР» начинает описываться в русскоязычных текстах, согласно данным «Национального корпуса русского языка», с XVIII в., когда появляется слово «религия» и его производные, тогда как слово «народ» фиксируется с XI столетия.

Преращение моноконфессионального и моноэтнического общества эпохи княжества Рюриковичей в «Российское царствие» (XVI–XVII вв.), включавшее в себя подданных «христианской», «магометанской», «шаманской» и «ламайской» веры, расширило понятие о «народе». С XVIII в. начинают публиковаться описания «народных суеверий», «народных поверий» и т.п. феноменов, которые противопоставлялись единственно правильному «исповеданию Всероссийской Церкви» (Духовный регламент, 1721), сменяясь в XIX в. их же пониманием как «фольклора» и «национального достояния», проявления особого «единомыслия народа». А.А. Панченко вводит в отечественную религиоведческую литературу термин «vernacular religion» («ВР») [Панченко, 2002: 69], предложенный фольклористами для замены термина «НР», имевшего негативные коннотации. «ВР» редко встречается в русскоязычных

текстах, присутствуя преимущественно в специализированных академических изданиях. В содержательном плане проблематика «вернакулярного» относится к глобальной культуре описаний архитектуры («архитектура без архитектора»), сюжетам и стилям других направлений искусства, диалектам языка, фольклору, религии и т.п., фокусируясь на проблематике возможности «религии без религиоведа», «поэзии без поэта» и «фольклористики без информанта».

Этимологические исследования позволяют проследить истоки этого слова от латинского «vernacula», обнаруживающегося у Плавта, Цицерона и Варрона, призванного обозначить «родное», «домашнее» и «местное», дистанцируемое от «чужеземного». Особое внимание к слову, или «лингвистический поворот», характеризует начало XX века, ассоциируясь с именами Людвиг Витгенштейна, Мартина Хайдеггера и Ханса-Георга Гадамера, напоминающих нам, по словам В.В. Библихина о том, что «увидеть вещь» через слово «в свете идей» значит «разглядеть в ней начало единства, дающее ей цельность и тем самым бытие»¹. Рейнхард Козеллек, считающийся одним из создателей современной концепции истории понятий (Begriffsgeschichte), писал, что «в общественно-политическом языке есть множество фундаментальных понятий, ключевых слов или слов-лозунгов», часть из которых «внезапно появляются и

¹ Библихин В.В. Комментарий к Гадамеру Г.Г. История понятий как философия // Актуальность прекрасного / Гадамер Г.Г. — Москва: Искусство, 1991. — С. 342.

быстро исчезают», однако многие из них, «возникнув в Античности, просуществовали до нашего времени и — пусть в измененном значении — поныне структурируют наш социально-политический лексикон» [Козеллек, 2010: 23]. В отечественной науке тоже опубликованы фундаментальные исследования данной проблематики, к примеру, слово «суеверие», появляющееся только в XVII веке [Живов, 2012: 130]. Предпринимаются и попытки анализа таких российских терминов как «атеизм» и «религия» в глобальном контексте [Аринин, Глаголев, Маркова, 2021: 152–162].

Народная религия как феномен российской культуры

Словосочетание «народная религия» (далее — «НР»), если опираться на базу данных «Национального корпуса русского языка»² (далее — НКРЯ), становится заметным только со второй половины XIX века (НКРЯ, К.Д. Ушинский. Вопросы о народных школах, 1861). Раньше начинают использоваться термины «народные поверья» (НКРЯ, М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки, 1856–1857), «народные верования» (НКРЯ, А.В. Никитенко. Дневник, 1831), «народная вера» (НКРЯ, Н. М. Карамзин. История государства Российского, 1803), «народные предрассудки» (НКРЯ, Н. И. Новиков. «Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства знание», 1781) и «народные суеверия» (НКРЯ, А. Н. Радищев. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья Греков, 1773). Слово «народ», согласно словарям, фиксируется с 1057 г., приобретая до 8 значений в спектре от негативного «чернь, толпа», через нейтральное «народъ звѣрскыи и птич» до позитивного «всякихъ чиновъ люди народомъ собрався»³. Такие «сходы», согласно тому же словарю, могли именоваться «въчем» («совет»), т.е. легитимным собранием, порой тайным, принимавшим обя-

зательные для всего сообщества решения («створиша въче в городе и реша», 997 г.)⁴.

К эпохе Северной войны относится первое упоминание в базе данных НКРЯ про просьбу Петра Великого к «шахову величеству Персидскому» о том, что «российского народа людям», приезжающим наряду с персами и армянами торговать в стране, разрешили построить церковь «для отправления своей веры», подобно тому как «римские законники, езувиты и прочие имеют здесь своей церкви» (НКРЯ, Переписка и дела во время посольства Артемия Вольнского, 1716–1718). Описание «российского народа» как «всех верных наших подданных» представили «Кондиции Анны Иоанновны» (НКРЯ, «Кондиции», подписанные Анной Иоанновной, 1730).

У В.К. Третьяковского (1703–1769) встречается романтико-поэтическое, навеянное победными успехами новой империи, стремление «к вящему прославлению Российского народа», который «склонен к рифмам» в контексте появления моды на английский сентиментализм, поэтизацию природы, деревни и крестьян (НКРЯ, Речь, которую в Санкт-Петербургской императорской академии наук к членам бывшего российского собрания во время первого их заседания марта 14 дня 1735 года о чистоте российского языка говорил).

Со второй половины XVIII в. начинается публикация первых произведений нового жанра «сказка», среди которых, помимо прочего, был представлен «доброй молодец Иван-крестьянский сын» (НКРЯ, Сказка о тридесяти трех летнем сидне Иване-крестьянском сыне, и как сделался он чрез разум свой и хитрость великим царем, 1788). Таким образом, к «российскому народу» в тот период относили купцов, «всех верных подданных», «природных поэтов» и всех тех, кто создал «величество, могущество и богатство всего государства», включая «Ивана-крестьянского сына». В то же время, «расколщики» (1656–1685 гг.), «разинщина» (1667–1671 гг.), «пугачев-

² Национальный корпус русского языка. — URL.: <https://ruscorpora.ru/new/>

³ Народъ // Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 10. — Москва: Наука, 1983. — С. 214–215.

⁴ Въче / Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов. Вып.2. — Москва: Наука, 1975. — С. 128.

щина» (1773–1775 гг.) и другие «мятежи» показали, что «народ» не только творец «величества, могущества и богатства», но и реальная сила, которой близка перспектива «общинного социализма» А.И. Герцена, описавшего его в 1854 г. как то, что «социализм — это религия человека, религия земная, безнебесная, общество без правительства, свершение христианства и осуществление революции»⁵. Формируется, с одной стороны, внимание к народу со стороны Министерства внутренних дел (1802–1917 гг.), ведущего розыск «еретиков» и «раскольников», появляется синодальное деление их сообществ («секты») на «терпимые», «нетерпимые» и «изуверские», и, с другой, формируется социальный феномен «народничества» (1860–1880 гг.), романтизовавшего «народную мудрость» и «народную правду».

В статистическом плане «народом» являлось прежде всего крестьянство, составлявшее согласно данным переписи 1897 г., до 77,5% от почти 126-миллионного населения в целом. При этом 86,6% населения проживали в деревне, являясь грамотным только на 21,1%⁶. Отметим, что в изданиях XVIII в. «НР» прочно коннотировала с «народной вѣрой» как народными «суетвериями», «верованиями», «обычаями», «предрасудками» и т.п. Грамотная часть «народа» активно встраивается в глобальный «век журналов», формируя новую общность «читающей публики», преимущественно горожан и жителей двух столиц, солидаризирующихся вокруг тех или иных изданий и поддерживая их добровольной подпиской. Если в XVIII в. публиковалось 65 изданий, то в следующем столетии их число вырастает до 1322.

Начало XIX в. ознаменовалось деятельностью «будителей народа» в славянских субкультурах двух империй (Вены и Стамбула), становлением романтики национализмов, наполеоновскими войнами, завер-

шившимися победой Священного союза. В 1832 г. вышел первый номер нового журнала «Европеец». Его создатель И.В. Киреевский (1806–1856), вернувшись из поездки в Германию, предложил для «читающей публики» новое понимание «Вѣры» как «религии», которую «большая часть людей просвещённых» понимала или «как совокупность обрядов, либо как внутреннее, индивидуальное убеждение в известных истинах», тогда как по его убеждению, созвучному с поэтикой новой для того времени философии романтизма, следовало признать, что «религия не один обряд и не одно убеждение», а для «полного развития не только истинной, но даже и ложной религии необходимо единомыслие народа, освящённое яркими воспоминаниями, развитое в преданиях односмысленных... ощутительное во всех гражданских и семейственных отношениях», без чего «есть убеждение, есть обряды, но собственно религии нет»⁷.

«Вѣра» и «религия» выступили как «единомыслие народа», которое в истории, однако, всегда считалось граничащим с «суетвериями невежд», далекими от ясности «Свода Законовъ» и строгости формулировок «Символа Вѣры» в богословских «Омологиях» («Символах вѣры»). В противопоставление девизу революционной Франции «Свобода, равенство, братство» (Liberté, Égalité, Fraternité, 1790–1795 гг.), сменившейся империей Наполеона (Le Premier Empire, 1804–1815 гг.), взявшего Москву (1812), но потерпевшему поражение в том числе и от крестьян-ополченцев (между прочим показавших силу «народного сопротивления») и его «единомыслия»), формируется новый образовательно-идеологический проект («Православие, Самодержавие, Народность», 1833) графа С.С. Уварова, стремящийся остановить разделение элит, явленное «Манифестом к русскому народу» и «мятежом декабри-

⁵ Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письмо первое. Лондон, 1858. — С. 2.

⁶ Первая перепись населения // История России. — URL: <https://istoriarusi.ru/imper/pervaya-perepis-1897.html>

⁷ Киреевский И.В. Деятельность // Европеец. Журнал И.В. Киреевского. 1832 год. Серия: Литературные памятники. — Москва: Наука, 1989. — С.17–18.

стов» (1825). Позднее, после революций эпохи «Весны народов» («Springtime of Nations», 1848–1849) и Крымской войны (1853–1856 гг.), этот проект получил яркое воплощение в публицистике, получив название «теория официальной народности» [Шевченко, 2002: 89–104]. В таком контексте можно отметить двойственность политики элиты в отношении к «народу», сочетавшей понимание как важности, так и опасности, идущей от «народной силы». «Родное» для элиты, династически родственной европейским правящим дворам, преимущественно лютеранским, и народа, приписанного по преимуществу к «ведомству православного исповедания», контролирувавшего его «твердость в вѣре», дополняется поисками идеальных образов «русскости», которые стремились обрести как в «преданиях старины» (на этом поприще особенно заметна деятельность историков), так и, к примеру, в образах «Русского Севера» (здесь можно выделить искания некоторых писателей и художников, — таких, как С. В. Максимов («Год на Севере», 1856); И.И. Шишкин («На севере диком», 1891); И.И. Левитан («На севере», 1896), А.А. Борисов («Весенняя полярная ночь», 1897) и др.).

Начало XX в., поражение в Русско-японской войне (1904–1905), «Кровавое воскресенье», переросшее в революцию, еврейские погромы и «мятежи» 1905–1907 гг., Первая мировая война (1914–1918), завершившаяся распадом четырёх империй, сопровождались в том числе новыми литературными явлениями. Здесь обращает на себя внимание начальный период творчества поэта Демьяна Бедного (Ефим Алексеевич Придворов, 1883–1945). Его, выходца из крестьян, ставшего «классиком пролетарской революции», называли «безбожным евангелистом революции» (что, однако, не помешало однопартийцам исключить его из рядов ВКП(б) в 1938 г.). Он в 1914 г. задал вопрос о реальном отноше-

нии власти и народа в стихотворении («Почему?»):

«Хороший хлеб! Народный хлеб!»

Не потому ли хлеб “народный”,

Что странной волею судеб

Народ весь век сидит... голодный?!»⁸

Две революции 1917 г. радикально трансформировали понимание «Вѣры», «религии», «родного», «народного» и «ведомств», которые на протяжении жизни трёх поколений населения СССР стали заниматься конструированием идеи «новой исторической общности — единого советского народа» (1922–1997). Культурная память об этом сохраняется и сегодня, разделяя, порой предельно конфликтно, ряд субкультур современного российского общества [Эпштейн, 2013: 13].

Упомянутый Демьян Бедный, названный «большевиком поэтического рода оружия», был автором стихотворения, ставшего популярной народной песней («Проводы», 1918, «Не ходил бы ты, Ванек во солдаты»), где «народ» предстаёт двойственно («сознательные» / «несознательные»). Ему же, согласно «Вики», принадлежит приоритет в использовании термина «советский народ» («Советский народ загорланит — “Бра-а-а-во!” — “Бра-а-а-во!”»), позднее включённого в лексикон власти (XXIV съезд КПСС, 1971) и ставшего одним из ключевых терминов последней Конституции СССР (1977). В таком контексте термин «народ» стал конструктом, обозначающем не столько социальную реальность, сколько «воображаемое сообщество» [Anderson, 1983] или даже «воображённое сообщество». Тем не менее, социологические опросы⁹ показывают присутствие ностальгических образов «советского народа» и в наши дни, привлекая интерес исследователей к предельно общей перспективе осмысления универсального феномена «родного» как искренней «близости» и «ностальгии». Этот феномен был впервые описан врачом И. Хофером

⁸ Бедный Д. Почему? // Культура.РФ. — URL: <https://www.culture.ru/poems/25509/pochemu>

⁹ «Каждому. По возможности». Россияне о коммунизме. Что хорошего и что плохого в коммунизме? И хотя ли россияне жить при таком строе? // Фонд Общественное Мнение. — 2013. — 10 окт. — URL: <https://fom.ru/TSennosti/11120>; О распаде СССР. Что думают сегодняшние россияне о распаде СССР? // Фонд Общественное Мнение. — 2014. — 28 янв. — URL: <https://fom.ru/Proshloe/11314>

в 1688 г. как «заболевание» швейцарских студентов, солдат и всех, кто мечтал «вернуться в родные края» [Бойм, 2019: 19]. Впрочем, подобные образы можно встретить ещё в «Одиссее»: одним из самых сильных желаний её героя на чужбине было желание увидеть «хоть дым восходящий родимой земли» (Hom.Od.1.57)¹⁰.

«Vernaculum»/ «vernacular» как феномен глобальной культуры

В последние годы в отечественных исследованиях различных направлений (религиоведческих, этнографических, фольклористических и антропологических) нередко присутствует термин «vernacular religion», предложенный в своё время фольклористом Л. Приммиано (1957–2021) [Primiano, 1995: 41]. Этот термин был переведён А.А. Панченко как «частная религия» [Панченко, 2002: 69]. Позднее в российских публикациях утверждаются транслитерации «вернакулярная религия» и «вернакулярная религиозность», используемые для анализа парадоксального феномена «религии без религии», к примеру, на материале советских «святых писем» [Радченко, 2018: 90]. В русскоязычных текстах, согласно НКРЯ, начиная с 2002 г. встречается только 2 случая использования термина «вернакуляр» (НКРЯ, Григорий Ревзин. Москва: Десять лет после СССР). На два порядка чаще он представлен в академических текстах (база данных РГБ — 320 текстов, а eLIBRARY.RU — 203). Значительно чаще, как показывает корпус английского языка, он распространён в англоязычных изданиях, где термин «vernacular» встречается с 1810 г. в 472 973 текстах американской литературы, 180 671 тексте британской¹¹.

Латинские тексты зафиксировали ряд случаев, представляющих исходные денотации и коннотации термина «vernaculum»

и его производных. Так, у Плавта в комедии «Пуниец» (Poenulus, ок. 189 г. до н.э.) впервые употребляется словосочетание «consilium vernaculum», что переведено как «своим домашним планом нам заняться следует» (Pl. Poen. 927), хотя комментатор и отмечает, что это может быть позднейшей вставкой¹². Однако у того же Плавта часто встречается такой персонаж, как «verna» (Pl. Am. 177), т.е. домашний раб («раб прирожденный»)¹³, в обязанности которого входило ведение хозяйственных дел в семейных общинах.

Следующими и более достоверно датированными источниками, позволяющими проследить этимологию «vernaculum», являются тексты Цицерона, Цезаря и Варрона. Эти сочинения представляют дискурс элиты, дискутировавшей о «своем» и «родном» («эллинофилы» / «латинофилы» и т.п.) в более широком контексте эпохи заката Республики, когда остро встали вопросы отношения к «римскому», «столичному», «провинциальному» и «варварскому». Так, в 71 г. до н.э. Цицерон выступил обвинителем на суде против Гая Верреса, отметив возможность обвинения, являющегося «домашним» и «личным» (domesticum ac vernaculum) продуктом предвзятых обвинителей, в противопоставление подлинно беспристрастному рассмотрению судом вопроса по существу¹⁴. Позднее он использовал однокоренное слово в трактате «Брут» (Brutus sive De claris oratoribus), выделив «римскую столичность» и способность одарённых ораторов наполнять слова «необъяснимым столичным ароматом (sapore vernaculo)». В свою очередь Цезарь в «Записках о гражданской войне» (Commentarii de Bello Civili, 47 г. до н.э.) упоминает легион, называемый в русском переводе «туземным» (legionibus, quae vernacula appellabatur), который не пошёл против него на стороне Варрона, поддер-

¹⁰ Гомер. Одиссея. Пер. с древнегреч. В.А. Жуковского. — Москва: Правда, 1984. — С. 16.

¹¹ English-Corpora.org. — URL: <https://www.english-corpora.org/googlebooks>

¹² Плавт. Комедии в 2-х томах. Т.2. — Москва: Искусство, 1987. — С. 391.

¹³ Плавт. Комедии в 2-х томах. Т.1. — Москва: Искусство, 1987. — С. 14.

¹⁴ Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В. А. Алексеева, отчасти Ф. Ф. Зелинского). В 2-х томах. Т. 1. — Санкт-Петербург: изд. А. Я. Либерман, 1901. — С. 272.

живавшего Помпея¹⁵. В те же годы Варрон, прощённый Цезарем, занимается по его поручению библиотекой, в том числе на латинском языке, начинает его анализировать (*De lingua Latina*, 47–45 гг. до н.э.), различая «*vocabulavernacula*» (слова «родного» языка) и слова, пришедшие от носителей других языков («*peregrinus*», «*barbarus*» и т.п.). Позднее в трактате «Сельское хозяйство» (*Res Rusticarum*, 37–36 гг. до н.э.) он противопоставляет перелётных птиц (ласточки и журавли) и тех, которые зимуют на родине (куры и голуби) как «*vernacula*»¹⁶. Здесь намечается двойственность семантики «*vernacula*» как «домашнего», «семейного», «местного» с одной стороны, и, с другой, «универсального», «столичного», «правового» (поскольку невозможны «судебная истина», «совесть» или «математика», подлинны только для «нашей семьи»). При этом могла признаваться своя «философская правда» в каждой философской школе или уникальная «пророческая истина» у каждого «учителя» или «поэта».

Слово «*vernacula*» широко используется в литературе имперского периода. За неимением места упомянем лишь Корнелия Тацита, середина 50-х – ок. 120). Он употребляет этот термин, говоря о беспорядках, устроенных войсками из местного («туземного») населения, когда стало известно о смерти императора Августа¹⁷. Авл Геллий в сборнике «Аттические ночи» (*Noctes Atticae*, ок. 169 г. н.э.), говоря о сочинениях Луция Аннея Сенеки, отмечает, что некоторые считают его речь «вульгарной и банальной» (*vernacula et plebeia*)¹⁸. Таким образом, «*vernacula*» приобретает широкий спектр коннотаций, от «родного» до «вульгарного», обозначая переоценку «местного» и «фамильно-

го» с позиций столичного и имперского универсализма.

В III в. заметно появление близкой терминологии у христианских авторов. Тертуллиан в «Апологии» («*Apologeticus*», ок. 197) характеризует иудея Иосифа как «туземного (*vernaculus*) поборника иудейских древностей»¹⁹. Бозций пишет о музыке, сложенной ларами (*musica laris nostri vernacula*), как о мягком и целебном домашнем средстве для сохранения спокойствия духа.²⁰ Слово «*vernaculus*» входит в первые рукописные версии «*Biblia Vulgata*», сведённые в единый текст Иеронимом из множества местных вариантов; здесь это слово употребляется в значении «домочадец», т.е. «рождённый в одном доме» (Быт. 15.3, Быт. 17.23, Лев.22.10, Иер. 2.14). В целом, как отмечает О. Петрученко, в латыни сложилось две группы основных значений слова «*vernaculus*», антонимом которого выступает «*peregrinus*» (иностраный, иноземный): 1) к домашним рабам относящийся, принадлежащий; 2) доморожденный, туземный, отечественный (особенно римский)²¹.

Радикальные изменения в понимании содержания этого слова происходят в эпоху Средневековья и Ренессанса, когда «столичное» и «провинциальное» в контексте конфликтов Рима и Константинополя, привели к геополитическим разделениям «*Pax Christiana*» на «*Pax Orthodoxa*» и «*Pax Latina*», усилению Венеции (*Respublica Veneta*), сумевшей с франками завоевать Константинополь (1204) и воевать с Римом. Революция Гутенберга поставила вопрос об аутентичном печатном тексте «*Scriptures*» (Gutenberg-Bibel, 1452–1456), способствуя появлению феномена «гуманистов» (*umanista*, *Studia Humanitatis*) в Италии, решивших обновить христианство

¹⁵ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. — Москва: Наука, 1993. — С. 278.

¹⁶ Варрон. Сельское хозяйство. — Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1963. — С.107.

¹⁷ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т.1. Анналы. Малые произведения. — Ленинград: Наука, 1969. — С. 22.

¹⁸ Авл Геллий. Аттические ночи. Книги XI–XX. — Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. — С. 44.

¹⁹ Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. Апологетик. К Скапуле. — Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2005. — С. 145.

²⁰ Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. — Москва: Наука. 1990. — С. 205.

²¹ Петрученко О. Латинско-русский словарь. — Москва: В. В. Думнов, наследники Бр. Салаевых, 1914. — С.687

путем «ad fontes» («возвращение к истокам») и подлинному Писанию, в том числе и перевод М. Лютера (Lutherbibel, 1534) и другие издания Писания на национальных языках, став частью продолжающегося и сегодня обсуждения различий «высокой» (церковной, теологической, научной, книжной) и «низкой» (народной, разговорной, провинциальной, плебейской, вульгарной) латыни. Одновременно начинается превознесение ценности «местной изысканности» («аромата почвы» и т.п.), которая отстаивала своё право дистанцироваться от уничижительных обвинений в «варварском» диалекте [Ramming, 2010].

Из латыни слово «vernaculus» переходит в итальянский и другие европейские языки. За ограниченностью объема статьи мы, в качестве примера, рассмотрим становление производных концепта «vernacular» только в английском языке. Здесь это слово в значении, аналогичном латинскому выражению «vernacula vocabula», начинает использоваться с 1600-х гг. С 1706 г. оно употребляется как существительное и обозначает родной язык, речь определённой местности (native speech or language of a place)²². Корпус англоязычных интернет-источников The iWeb Corpus²³ содержит 9 254 вхождения слова vernacular (vernacular 8 882; vernaculars 372), британский национальный корпус²⁴ содержит 312 текстов.

Кембриджский словарь английского языка²⁵ выделяет три основных кластера значений:

1. Языковой. В значении естественный, неформальный, обыденный язык определенной группы людей (the form of a language that a particular group of speakers use naturally, especially in informal situations).

2. Архитектурный. Локальная, местная стилистика архитектуры (a local style in which ordinary houses are built).

3. Культурный. Танцы, музыка, искусство и т.п., осуществляемые обычными людьми или в таком народном, обыденном стиле (dance, music, art, etc. that is in a style liked or performed by ordinary people).

Наиболее распространённый контекст употребления термина в английском языке²⁶ выглядит следующим образом: языковые феномены, лингвистика и филология, гуманитарные исследования в области культуры, искусства, социальные науки, религия (как правило христианский дискурс, связанный с проблемами и перспективами переводов текстов Священного писания, литургии на местные языки), архитектура; также встречаются вхождения в сферы политики и экономики. По данным The iWeb Corpus можно отметить, что наиболее частые словосочетания (collocations) со словом «vernacular» распределены следующим образом: язык (language), латынь (latin), Библия (Bible), культура (culture), перевод (translation), месса (mass), архитектура (architecture), стиль (style), традиция (tradition), искусство (art)²⁷.

Корпус исторического американского языка²⁸ фиксирует 953 вхождения, сохраняя комплекс устоявшихся значений и смысловых связей, сложившихся в английском языке. «Vernacular» определяется здесь как язык (tongue), речь (speech), диалект (dialect), переводы Библии на местные языки, а также локальную литературу и периодику. С XX в. расширяется сфера употребления, которая начинает описывать с помощью данного термина феномены культуры (танцы, музыку, образование); с 1970-х гг. термин входит в сферу дискуссий об архитектуре.

Корпус современного американского языка²⁹ представляет 2062 вхождения слова vernacular с 1990 г., где основные кластеры значений сохраняются. В пер-

²² Online Etymology Dictionary. — URL: <https://www.etymonline.com/word/vernacular>

²³ The iWeb Corpus. — URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/>

²⁴ British National Corpus. — URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

²⁵ Cambridge Dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/vernacular>

²⁶ The iWeb Corpus. — URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/>

²⁷ Ibid.

²⁸ The Corpus of Historical American English (COHA). — URL: <https://www.english-corpora.org/coha/>

²⁹ The Corpus of Contemporary American English (COCA). — URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

вую очередь это язык (everyday vernacular), противопоставленный научной (профессиональной) терминологии или латыни как сакрального языка Библии (Latin Vulgate Bible), далее традиционное строительство (vernacular housing of a traditional culture), «народная культура», «фольклор», которые ставятся в оппозицию формальной эстетике и церковной доктрине.

Народная / вернакулярная религия как предмет религиоведения

Выше мы уже показали, что феномен «народной религии» с XVIII в. мог пониматься амбивалентно от приверженности «суевериям» до силы «духа», свершающей «небываемое», особенно на войне. В этом контексте возрастает интерес к т.н. «вернакулярным» формам религиозности (далее — ВР), на которые первым обратил упоминавшийся ранее Л. Приммиано. В религиоведческих справочных изданиях этот термин появляется сравнительно недавно, когда, как отметила Е.И. Гришаева, так называется «трактовка зависимости восприятия какой-либо религии конкретными сообществами и индивидами от особенностей... обстоятельств, свойственных конкретной местности» отличных от «книжного канона», проявляя себя в «соединении локального и универсального», когда «в реальности религиозные институты и религиозный опыт отдельного индивида находятся в постоянном взаимодействии»³⁰. Такой фокус на индивидуальности и локальности, характерный для исследований в фоклористике и антропологии, сталкивается с парадоксами, характерными для различных попыток «соединения локального и универсального». Примером может служить современная Армения, где, согласно опросам, до 90% населения отмечают важность религии в своей жизни и речь идёт именно об Армянской Апостольской Церкви. При этом многие исследователи отме-

чают, что это именно «ВР», включающая в себя «восприятие армянского христианства как холистической системы, состоящей одновременно из религиозных, магических верований и практик, связанных с поклонением Богу Отцу, Иисусу Христу, Деве Марии, а также множеству общермянских и узколокальных святых, природным объектам и предметам, наделяемым святостью»³¹.

Д.А. Радченко отмечает различие между версией Л. Приммиано, согласно которой «ВР» следует называть процесс «преломления религиозных установок в сознании и практиках индивида», в то время как в обычных нормах современного общества такой индивид, «находящийся вне религиозных институтов, собирает собственный, индивидуальный комплекс представлений на основе различных религиозных традиций». Однако в СССР, например, «сложилась ситуация, не вполне описываемая в этих теоретических рамках», когда «разрозненные элементы религиозных текстов оказались полностью оторваны от церковной традиции и включены в вернакулярные практики». При этом, как ни парадоксально, «с одной стороны, они не были поддержаны религиозными институтами; с другой — они нередко воспринимались внешними по отношению к этим институтам людьми (как верующими, так и неверующими) как часть религиозной традиции», выделяя для анализа «одно из ярких проявлений этой “религии без религии” — так называемые “святые письма”: тексты, содержащие нарратив о божественном откровении и призыв к распространению письма» [Радченко, 2018: 91–92].

Грэм Харви утверждает, что Приммиано ввёл термин «ВР» «для того, чтобы подчеркнуть необходимость и важность изучения живой религии, которая единственно и существует», тогда как «те, кто использует этот термин для того, чтобы отделить

³⁰ Гришаева Е.И. Вернакулярная религия // Энциклопедический словарь социологии религии. — Санкт-Петербург: Платоновское философское общество, 2017. — С.42-43.

³¹ Крюкова Н.М. «У нас неверующих нету!»: отношение к религии в современной Армении // Новые российские гуманитарные исследования. — URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1998/>

религиозные действия “мирян” или “обычных людей” от действий религиозных лидеров» истолковали его ошибочно, поскольку именно «то, что делает папа или далай-лама, даже если они делают одно и то же каждый день и даже если они делают ровно то же, что и их предшественники, составляет живую религию»: религия в таком контексте выступает как «этикет реального мира» [Харви, 2020: 298, 307].

Заключение

В целом можно утверждать, что религия и религиозность, истолкованные как многообразие конфессионально-институциональных, групповых и личных («вернакулярных») форм отношений к «неизвестному/таинственному нача-

лу этого мира», всегда воображались как «реальные» коммуникации. Термин «вернакулярное» фиксирует неустрашимость спонтанности, сложности и динамизма внутреннего мира личности, который всегда стремится индивидуальные переживания гармонизировать с коллективными предпочтениями в «освоении» неизвестной и, соответственно, чреватой опасностями реальности «этого мира», сделав ее «родной» и «одомашненной», что, собственно и означало в древней латыни слово «vernaculum», пришедшее из текстов Плавта, Цицерона и их современников. Такая «родная» и «подлинная» религиозность, способная поддерживаться тысячелетиями, требует нового категориального языка для своего корректного описания.

Список литературы:

- Аринин Е.И., Глаголев В.С., Маркова Н.М. Парадоксы идентичности с ἄθεος и religio в религиозно-философских дискуссиях современной России // Вопросы философии. — 2021. — № 9. — С. 152–162. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-9-152-162>
- Бойм С.Ю. Будущее ностальгии. — Москва: Новое литературное обозрение, 2019. — 671 с.
- Живов В.М. Суеверия и забобоны // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. — Москва: Языки славянских культур, 2012. — С. 130–150.
- Козеллек Р.К. вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. — Москва: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 21–33.
- Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. — Москва: О.Г.И., 2002. — 544 с.
- Радченко Д.А. «Не забывайте Бога»: вернакулярная религиозность советских «святых писем» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. Востоковедение. — 2018. — № 9. — С. 90–101. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-9-90-101>
- Харви Г. Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь. — Москва: Новое литературное обозрение, 2020. — 362 с.
- Шевченко М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. — 2002. — № 4. — С. 89–104.
- Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. — Москва: АСТ, 2013. — 414 с.
- Anderson B.R.O. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. — London; New York: Verso, 1983. — 160 p.
- Primiano L.N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife. // Western Folklore. — 1995. — №1. — P. 37–56. <https://doi.org/10.2307/1499910>
- Ramminger J. Humanists and the Vernacular: Creating the Terminology for a Bilingual Universe // Renaissanceforum. — 2010. — Vol. 6. — P. 1–22.

References:

- Anderson, B. R. O. (1983) *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso.
- Arinin, E. I., Glagolev, V. S. and Markova, N. M. (2021) 'Paradoxes of Identity with *ἄθεος* and religio in Religious Studies Discussions of Modern Russia', *Voprosy Filosofii*, (9), pp. 152–162. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-9-152-162>
- Boym, S. (2002) *The Future of Nostalgia*. New York: Basic books. (Russ.ed.: (2019) *Budushcheye nostalgii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).
- Epstein, M. (2013) *Religiia posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii [Religion after Atheism. New Possibilities of Theology]*. Moscow: AST Publ. (In Russian).
- Harvey, G. (2013) *Food, sex and strangers: understanding religion as everyday life*. Durham: Acumen. (Russ.ed.: (2020) *Seks, yeda i neznakomtsy. Religiya kak povsednevnyaya zhizn'*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.).
- Koselleck, R. (2002) 'Hinweise auf die temporalen Strukturen begriffsgeschichtlichen Wandels', in *Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte*. Göttingen: Wallstein Verlag, pp. 29–48. (Russ.ed.: (2010) 'K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitii ponyatiy', in *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metaphor*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 21–33.).
- Panchenko, A. A. (2002) *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt [Christhood and Hoarding: Folklore and Traditional Culture of Russian Mystical Sects]*. Moscow: O.G.I. Publ. (In Russian).
- Primiano, L. N. (1995) 'Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife', *Western Folklore*, 54(1), p. 37. <https://doi.org/10.2307/1499910>
- Radchenko, D. A. (2018) 'Do not Forget God. Vernacular Religiosity in Soviet Heavenly Letters', *RSUH/ RGGU Bulletin. Series History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, (9), pp. 90–101. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-9-90-101>
- Ramminger, J. (2010) 'Humanists and the Vernacular: Creating the Terminology for a Bilingual Universe', *Renaissanceforum*, 6, pp. 1–22.
- Shevchenko, M. M. (2002) 'Ponyatiye teorii ofitsial'noy narodnosti i izucheniye vnutrenney politiki imperatora Nikolaya I [The Concept of the Theory of official nationality and the Study of the Domestic Policy of Emperor Nicholas I]', *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, (4), pp. 89–104. (In Russian).
- Zhivov, V. M. (2012) 'Suyeveriya i zabobony [Superstitions and Zabobons]', in *Evolutsiya ponyatiy v svete istorii russkoy kul'tury [Evolution of Concepts in the History of Russian Culture]*. Moscow: Jazyki slavjanskix kul'tur Publ., pp. 130–150. (In Russian).

Информация об авторах

Наталья Михайловна Маркова — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Владимир, ул. Горького, 87 (Россия)

Мария Сергеевна Лютаева — преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Владимир, ул. Горького, 87 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Natalya M. Markova — PhD in Philosophy, Docent, Associate Professor at the Department of Philosophy and Religious Studies of Vladimir State University, 87, Gorky Str., Vladimir, 600000 (Russia)

Maria S. Liutaeva — Lecturer at the Department of Philosophy and Religious Studies of Vladimir State University, 87, Gorky Str., Vladimir, 600000 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 24.12.2021; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 05.03.2022.